

Коваленко Виктория Викторовна

соискатель кафедры дореволюционной
отечественной истории
Кубанского государственного университета,
учитель истории и обществознания
гимназии № 82, г. Краснодар
dom-hors@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ И ОПЕКА
В СТАНИЧНЫХ
ОБЩЕСТВАХ КУБАНИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы надзора станичных обществ Кубани в конце XVIII – начале XX вв. о нуждающихся категориях населения. Описываются формы опеки и социальной помощи, оказываемой станичным обществом незащищенным слоям населения – малоимущим, сиротам, вдовам. Рассказывается об оказании благотворительной помощи, поддержке образования для станичных детей.

Ключевые слова:

Кубань, казачество, казацкие станицы, станичное общество, опека, образование, социальная помощь, благотворительность.

Kovalenko Victoria Viktorovna

PhD applicant of the Prerevolutionary
National History Department,
Kuban State University,
History and Social Studies Teacher
at gymnasium № 82, Krasnodar
dom-hors@mail.ru

**SOCIAL ASSISTANCE AND GUARDIANSHIP
IN THE COSSACK VILLAGE SOCIETIES
OF KUBAN DURING THE LATE 18TH –
EARLY 20TH CENTURIES**

Summary:

The article considers questions of assistance for needy people in the Kuban Cossack village societies during the late 18th – early 20th centuries. The author describes modes of guardianship and social assistance provided by the village society to such vulnerable social groups as poor people, orphans and widows. The paper tells about charity assistance, education support for the Cossack village children.

Keywords:

Kuban, Cossacks, Cossack villages, stanitsa society, guardianship, education, social assistance, charity.

Казацье станичное общество на Кубани конце XVIII – начале XX вв. представляло собой сплоченный, автономный и самоуправляющийся коллектив, который самостоятельно вырабатывал нормы внутреннего обустройства жизни. За исполнение решений государственной и войсковой власти, а также постановлений станичного общества несла ответственность станичная или хуторская администрация во главе с атаманом. Одной из наиболее значимых сторон жизни общества, подлежавших контролю и заботе местных властей, была социальная сфера.

Главной задачей станичного общества была защита своих граждан и забота об их пользе и благоденствии. Общество контролировало внутреннее состояние порядка, старалось его обеспечить и сохранить, поэтому не каждого человека принимало в свою среду и отпускало из нее. Станица дорожила порядочными домохозяевами и исправными казаками, интересы которых стояли в обществе на первом месте.

Взяв на себя обязанности по несению пограничной службы, казачество в целом и каждое общество в частности отвечали за исправное соблюдение своей главной обязанности. Казак должен был готовиться к службе задолго до ее наступления, с 17 лет он считался «малолетком» и проходил на ежегодных сборах первую военную подготовку. Семье надлежало отправлять молодого казака на сборы полностью экипированным, то есть исправным. Кроме постоянной боевой готовности в понятие «исправность» входило «крепкое хозяйство», «ясность души, четкость мировоззрения, верность в слове и деле, физическое здоровье и опрятность во внешнем облике» [1]. Общество ежегодно составляло списки казаков, способных к действительной службе; казаков подготовительного разряда, которые готовились к службе; казаков не способных к службе, но способных к труду и т.д. Оно оценивало физическое, моральное и материальное состояние человека и определяло в соответствии с этим возможность несения воинской обязанности. Основной статьей военных расходов казака было обмундирование. В среднем рядовой казак тратил в начале XIX в. на снаряжение и обмундирование до 30 руб., а собраться в кавалерию стоило до 100 руб. Эти средства изыскивала его семья. Если она не могла собрать казака на службу, средства выделялись из общественных станичных сумм, из сумм воинских частей или из войсковой казны. Войсковые власти так же пытались поддержать неимущих казаков и «дабы уменьшить расходы войсковой суммы, долженствовавшей употребиться на обмундирование беднейших казаков, тогда же (в 1814 г. – В.К.) учреждена в войске суконная фабрика под управлением фабриканта Тика, и положенное выделяемое на одной из шерсти черномор-

ских овец сукно отпускать казакам за весьма умеренную цену» [2, с. 383–384]. Оказываемая казакам материальная помощь была лишь временным облегчением и превращалась в долг. В случае неуплаты станице или воинскому подразделению долга, он налагался на имущество казака. В документах Славянского станичного правления за 1886 г. значится письмо от командующего Кубанским казачьим дивизионом в Варшаве, в котором он требует «немедленно взыскать с имущества казака» этой станицы суммы «выданной ему из сумм Кубанского казачьего дивизиона на приобретение строевой лошади и таковые полностью отправить к командиру названного дивизиона в г. Варшаву» [3]. Для обеспечения возврата долга зачастую служил земельный пай казака, который являлся источником дохода и служил основой в изыскании средств на исправление обмундирования. Общество, оказывая помощь казаку, в его отсутствие могло сдать казачий надел в аренду, а прибыль отправляло на возмещение долга казака по месту требования этого долга. В линейных станицах Кубанского казачьего Войска «пай насильственно сдавался общиной в аренду, особенно, при покупке строевого коня и обмундирования за счет казны куреня. Земля возвращалась владельцу только после уплаты всех долгов» [4, с. 153]. Не прибегая к отобранию пая, долг перед станицей мог погашаться в рассрочку, если общество принимало такое решение на сходе и составляло соответствующий приговор. В крайних случаях, если семья казака находилась в беднейшем состоянии и имела только один пай, который был единственным источником дохода, сбор на службу финансировался полностью из станичных сумм. Экономическое положение казачества усложнялось инфляцией денежных средств. Уже в начале XX в. «казак, имеющий четырех сыновей, должен затратить на их обмундирование около 1 500 руб. Крестьянин, имеющий четырех сыновей, одного отправляет на полное иждивение государства, а остальные работают на себя или нанимаются батраками, то есть отец не несет никаких затрат <...> чем больше сыновей у крестьянина, тем он богаче и совсем наоборот у казака» [5]. Общественная помощь заключалась зачастую в разумной оценке благосостояния казака и финансовых возможностей станицы. Станичники могли отправить просьбу от лица станичного сбора о зачислении казака в пехоту, а не в кавалерию ввиду бедности казака или скудости станичной казны. По случаю смерти родителя, одинокие, не имевшие «кроме себя других рабочих рук», казаки получали отсрочку или освобождались от службы на 1–2 года по решению общества [6]. И, наоборот, при достатке в семье новобранца, общество решало «перечислить из пехоты в кавалерию, как более состоятельного к обмундированию и снаряжению себя к этому роду службы» [7]. Состоятельное казачество предпринимало попытки откупиться на 1–2 года от службы или нанимало менее обеспеченных казаков и иногородних для прохождения службы вместо себя, покупая за свой счет оружие, обмундирование и лошадь. С неспособных к службе, но способных к труду казаков ежегодно в пользу станичных сумм взыскивался налог, он составлял около 5–6 руб. серебром. Эти средства, как и средства от откупа богатых казаков от службы, шли на помощь неимущему населению.

Всегда нуждающимися в опеке и общественной заботе были дети, оставшиеся без попечения родителей. Опека над малолетними сиротами как вид социально-экономического взаимодействия между гражданами строго регламентировалась и контролировалась обществом. На содержание неимущего сироты выделялись средства из станичных сумм или запрашивались из войсковой казны. На мальчиков всегда полагался станичный пай, на доход от которого и содержался сирота. Все доходы от собственности сироты фиксировались в специально заведенных для этого книгах «на записку прихода денежной суммы умершего» [8]. Расходы на содержание сироты так же фиксировались в расходной части книги: «поступило в расход на содержание наследника», ему приобретена мука, овчина для тулупа, «за пошитье тулупа уплочено», сапоги, шапка и т.д. [9]. Если сироте от родителей оставался денежный капитал, предписывалось «деньги непременно отдать благонадежным людям на проценты, в противном случае подлежащий на оные процент будет взыскан с них (опекунов – В.К.)» [10]. Из станичников выбирали достойного человека – опекуна, который получал на содержание сироты указанные средства, вел журнал учета средств и отчитывался перед обществом о тратах. Удостоверением опекуна являлась копия приговора станичного общества о назначении его опекуном, которая выдавалась ему на руки. Все имущество опекаемого и его капиталы отдавались опекуну «по описи и в приеме таковых» необходимо было «дать надлежащую квитанцию» [11]. Надзор за деятельностью опекунов осуществлял атаман станицы. На сирот, инвалидов и вдов выделяли деньги отдельные полки, богатые меценаты и представители дворянского сословия, проживавшие на Кубани или находившиеся здесь по долгу службы. В 1848 г. «были объявлены наследственными земли казачьих офицеров, за которыми признавались все права дворянства» [12, с. 65]. В случае гибели хозяина такого имения, опека над ним и наследование имущества регламентировалось Высочайшей резолюцией 1725 г. о вотчинных делах [13] и контролировалось войсковыми властями, назначавшими опекунов из «чинов» офицерского звания. Опекуны следили за

сохранностью имущества в казачьем дворянском имении, опекали несовершеннолетних наследников, заботились о преумножении доходов от собственности и отчитывались о своей деятельности перед вышестоящими властями.

Станичные атаманы ежегодно обязаны были составлять для отчета в войсковое правительстве посемейные списки станиц с указанием фамилий, количества членов семей, разбивая их в половой принадлежности. Осуществляя контроль за демографической ситуацией и осознавая важность опеки над сиротами и контроля за родами и фамилиями станичных обществ, «в одном из последних приказов по этому вопросу от 27 января 1904 г. сказано: "...дети казаков должны быть записываемы в станичные книги, с сохранением родовых (прав и привилегий – В.К.) и удерживать их навсегда, без какого-то бы ни было изменения"» [14].

Одной из важнейших сфер жизни станичного общества, требующей общественной опеки и внимания, было образование. Казачество всегда уделяло большое значение грамотности. Например, во время войны 1812 г. «из семнадцати человек офицерского состава 1-го сборного конного полка, шестнадцать были грамотными» [15, с. 14]. Среди сметы расходов различных станичных правлений Кубани встречаются многочисленные указания расходов на школьные принадлежности, зарплату учителя, ремонт и оснащение школьных зданий. Войсковые власти издавали распоряжения, гласящие: «озаботиться, чтобы учились все дети казаков» [16]. На средства жителей станиц повсеместно открывались станичные школы и приходские училища. Детей казачество отдавало в школу охотно, несмотря на то, что семьи на какое-то время лишались рабочих рук. Станичники не видели необходимости в образовании девочек, поэтому учащимися школ были в основном мальчики. «Школа, по мнению народа, нужна; он не жалеет на нее затрачивать деньги, лишь бы школа давала писарей, читак псалтырей над покойниками и вообще людей, умеющих читать любую книгу и скоропись и способных сделать хозяйственное вычисление» [17, с. 269].

Станичное общество оказывало помощь семьям, попавшим в тяжелые жизненные ситуации, особенно при потере мужчины-кормильца. Новотитаровское станичное правление на сходах в 1917–1918 г. вынесло приговор о помощи брошенной семье, где муж бросил жену и троих детей, продал свой надел и скрылся в неизвестном направлении [18]. Подобные случаи скорее были исключением из правил. Общественное мнение порицало такое поведение и всячески способствовало воссоединению и сохранению крепкой и «исправной» семьи в соответствии с законами государственными и моральными. Например, в Новомышастовское хуторское правление в 1896 г. поступило заявление крестьянина Полтавской губернии, временно проживавшего в хуторе, с просьбой содействовать в возвращении к нему жены, которая «проживает у казака Д. без письменного вида и разрешения его, почему просит вытребовать ее к месту его жительства в хутор полицейскими мерами» [19]. Семьям искалеченных и погибших в результате военных действий казаков оказывало помощь воинские подразделения, в которых они служили. Средства собирались с самих же казаков, так как жалование выдавалось уже за вычетом «на вдов, сирот и инвалидный капитал» [20]. При потере кормильца в результате его смерти вдове полагалась по закону половина надела супруга, но не везде это исполнялось: нарезалась земля в расчете на мужчин, даже новорожденных мальчиков. Вдов общество земель, например, в станице Расшеватской, не наделяло [21, с. 174]. Отражать интересы нуждающихся и заботиться об их благополучии обязан был, прежде всего, атаман станицы. В некоторых закубанских населенных пунктах местная власть игнорировала заботу о нуждающихся, а отношение к женщинам, оставшимся без попечения мужчин, по мнению Атамана Майкопского отдела, было вообще неподобающим: «многие жены призванных на службу по мобилизации запасных нижних чинов и казаков (в 1914 г. – В.К.), жалуются мне на должностных лиц станичных, волостных, сельских и аульных правлений за грубое с ними обращение и оскорбление при обращении их за различного рода справками» [22, с. 124]. В подобных случаях вышестоящая власть вмешивалась в общественную жизнь внутри станиц, сел и аулов, оказывала помощь нуждающимся, наказывала нерадивых местных чиновников.

Кроме индивидуальной помощи по частным случаям станичные средства расходовались на нужды всего общества в целом: на «погребение безродных», на «содержание общественных мест, их очистку и уборку», «общественных зданий», подписку на периодические издания [23]. В заботе о собственном здоровье станичные общества выносили решения о расходах на медицину: найме врачей, покупке медикаментов, выборах из своей среды людей, способных в моменты эпидемий производить вакцинацию. В здании станичных правлений вывешивались все распоряжения и указы государственного и войскового правительства, касающиеся жителей станицы. В соответствие с этими законодательными актами атаман самостоятельно, или при помощи правления, контролировал и осуществлял социальную политику внутри общества. Он заботился о доставлении всего необходимого в станицу или хутор в соответствии с законом от вышестоя-

ших властей. Необходимые медикаменты в один из хуторов Темрюкского района были «потребованы» атаманом этого отдела из войскового фонда после обращения к нему хуторского атамана [24]. Станичное общество осуществляло взносы на благотворительность. При переселении мигрантов из Черниговской и Полтавской губернии в 1820–1821 гг., среди вновь прибывших разразился голод и недостаток средств к существованию. Атаман собрал с населения «10 тысяч рублей ассигнациями, 80 четвертей хлеба, 16 лошадей, 317 штук рогатого скота, 1 050 овец, и участь страдавших стала облегчаться», а Генерал Ермолов выразил Черноморскому войску благодарность за человеколюбие [25]. Войсковые власти регулярно организовывали благотворительные акции, доход от которых шел на войсковые исправительные заведения и тюрьмы. В 1899 г. общество станицы Абинской на станичном сходе вынесло приговор о выделении из казны станицы «членского взноса на создание Кубанского исправительного приюта» [26].

В отчете Таманского окружного сыскаго начальства за 1858 г. о нравственном состоянии жителей Черноморья сказано: «Жители имеют хорошую нравственность. Главный их навык есть упражнение в хозяйстве. Обряд христианской религии исполняется ими согласно постановлениям христианской церкви» [27]. Об этом свидетельствует и тот факт, что дела об официальных разводах мужей с женами встречаются крайне редко, так же как и данные о беспризорных детях и брошенных без опеки стариках (последнее вообще не встречалось – В.К.). Несмотря на то, что социальная сфера жизни казачьих станичных обществ Кубани находилась под пристальным контролем войсковой администрации, реализация социальных программ и общественная опека оставались заботой органов местного самоуправления [28, с. 108–114].

В целом же состояние общественной опеки над нуждающимися и взаимопомощи в кубанских станицах было хорошо организовано и регламентировано как нормами государственного, так и нормами обычного права.

Ссылки:

1. Алмазов Б.А. Казачья справа // «Слава Тебе, Господи, что мы – казаки!». Вып. 2. Памятка. СПб., 1992. С. 42–53.
2. Кухаренко Я.Г., Туренко А.М. Исторические записки о Войске Черноморском / под ред. О.В. Матвеева // Кубанский сб.: сб. науч. ст. по истории края. Т. 1 (22). Краснодар, 2006. С. 315–421.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 439. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 1 об.
4. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
5. Там же. С. 147.
6. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 10.
7. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 390. Л. 5 об.
8. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
9. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.
10. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 об.
11. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 390. Л. 35.
12. Копанева О.И. Казачество и российская государственность: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
13. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 30 об.
14. Шкуро В.И. Антропонимия черноморских казаков // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996. С. 284–288.
15. Говорова А.В. Черноморское казачество в отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
17. Шахов Д.В. Воронежская станица (статистико-этнографическое описание) / под ред. О.В. Матвеева // Кубанский сб.: сб. науч. ст. по истории края. Т. 1 (22). Краснодар, 2006. С. 250–282.
18. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521. Л. 22 об.
19. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 175–175 об.
20. ГАКК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 18. Л. 12 об. – 13 об.
21. Федосов П.С. Линейное казачество в освоении степного предкавказья в к. XVIII – н. XX вв.: по материалам станицы Расшеватской: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.
22. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 640.
23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2265. Л. 10 об., 14 об.
24. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.
25. Кухаренко Я.Г., Туренко А.М. Указ. соч. С. 402.
26. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 4 об., 5.
27. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.
28. Матющенко П.П. Власть и казачество Северного Кавказа: социальные и аграрные вопросы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ученые записки Российского государственного университета. М., 2008. № 1.

References:

1. Almazov, BA 1992, 'Cossack right', "Glory to Thee, O Lord, that we - the Cossacks!", issue 2, memo, St. Petersburg, pp. 42-53.
2. Kuharenko, YG & Turenko, AM 2006, 'Historical notes on the Black troops', in Matveeva, OV (ed.), *Kuban Sat*, vol. 1 (22), Krasnodar, pp. 315-421.

3. State Archives of the Krasnodar Territory (hereinafter GAKK), f. 439, op. 1, d. 13, l. 1, 1 vol.
4. Knievsky, SA 2005, *Municipality of the Terek Cossacks XVI century. - 1917: The historical roots and evolution*, PhD thesis Stavropol.
5. Knievsky, SA 2005, *Municipality of the Terek Cossacks XVI century. - 1917: The historical roots and evolution*, PhD thesis Stavropol, p. 147.
6. GAKK, f. 1, op. 1, d. 387, l. 10.
7. GAKK, f. 1, op. 1, d. 390, l. 5 vol.
8. GAKK, f. 482, op. 1, d. 8, l. 1.
9. GAKK, f. 482, op. 1, d. 8, l. 2 vol.
10. GAKK, f. 482, op. 1, d. 8, l. 5 vol.
11. GAKK, f. 1, op. 1, d. 390, l. 35.
12. Kopaneva, OI 2003, *Cossacks and Russian statehood: historical and legal analysis*, PhD thesis, St. Petersburg.
13. GAKK, f. 482, op. 1, d. 1, l. 29, 30 vol.
14. Shkuro, VI 1996, 'Anthroponyms Black Sea Cossacks', *Kuban Cossacks: Three Centuries of the historical path*, Proceedings of the international scientific-practical conference, Krasnodar, pp. 284-288.
15. Govorov, AV 2009, *Black Sea Cossacks in the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of 1813-1814*, PhD thesis abstract, Kursk.
16. GAKK, f. 1, op. 1, d. 2, l. 3.
17. Shahov, DV 2006, 'Voronezh village (statistical and ethnographic description)', in Matveeva, OV (ed.), *Kuban Sat*, vol. 1 (22), Krasnodar, pp. 250-282.
18. GAKK, f. 1, op. 1, d. 521, l. 22 vol.
19. GAKK, f. 1, op. 1, d. 500, l. 175-175 vol.
20. GAKK, f. 313, op. 1, d. 18, l. 12 vol. - 13 vol.
21. Fedosov PS Linear Cossacks in the development of the steppe in Ciscaucasia since XVIII - n. XX centuries.: Adapted village Rasshevskoy: dis. ... Cand. ist. Sciences. Stavropol, 2003.
22. GAKK, f. 1, op. 1, d. 640.
23. GAKK, f. 249, op. 1, d. 2265, l. 10 vol., 14 vol.
24. GAKK, f. 1, op. 1, d. 2, l. 152.
25. Kuharenko, YG & Turenko, AM 2006, 'Historical notes on the Black troops', in Matveeva, OV (ed.), *Kuban Sat*, vol. 1 (22), Krasnodar, p. 402.
26. GAKK, f. 1, op. 1, d. 500, l. 4 vol. 5.
27. GAKK, f. 1, op. 1, d. 2, l. 48.
28. Matyushchenko, PP 2008, 'Power and Cossacks of the North Caucasus: the social and agrarian questions (second half of XIX - beginning of XX century.)', *Proceedings of the Russian State University*, Moscow, no. 1.